

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования

«Национальный исследовательский университет

«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

На правах рукописи

Мельникова Екатерина Васильевна

**ТЕОРИЯ ПОНИМАНИЯ У РАННЕГО ХАЙДЕГГЕРА:
ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ
ПЕРСПЕКТИВА**

Специальность

Специальность 5.7.2 – история философии

РЕЗЮМЕ

диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук

Научный руководитель:

Чернавин Георгий Игоревич,

PhD

Москва – 2024

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования

Публикация полного собрания сочинений (*Gesamtausgabe*, GA) М. Хайдеггера, процесс которой был запущен в 1976 году, еще при жизни философа, продолжается и по сей день. Порядок публикаций, размещенный на сайте Vittorio Klostermann был определен самим Хайдеггером¹, который завещал в этом деле следование *хронологическому* принципу. В соответствии с намеченным планом, закрыть серию публикаций должен был 102 том, вышедший в 2022 году. Тем не менее некоторые из трудов Хайдеггера еще не были опубликованы и готовятся к печати в ближайшие годы. Изучение трудов, опубликованных в рамках полного собрания сочинений, таким образом, представляет собой актуальный процесс, который, по задумке Хайдеггера, в перспективе должен превратиться в работу над «Наследием бытийного вопроса» (*Vermächtnis der Seinsfrage*).

Кроме того, следование *хронологическому* принципу, завещанное Хайдеггером, должно было определить не только порядок публикации трудов из наследия, раскрывающий бытийный вопрос, но и сами исследовательские принципы, которые должны были превратить исследование опубликованного *Gesamtausgabe* в *философскую проблему*. В частности, среди таких подходов и принципов к исследованию наследия философа можно выделить изучение Хайдеггера «с начала». Такой подход предполагает обращение к исходной проблематике феноменолого-онтологического учения Хайдеггера как к фактору, определившему развитие всей его философской мысли. Этот подход не только заранее предполагает единство и континуальность вопроса о бытии, но также рассматривает бытийный вопрос, включая его первичную

---

¹ Хайдеггер утвердил первую и вторую версию плана. см.: Kisiel, Theodore (1993) «Heidegger's Gesamtausgabe as a Philosophical Problem: Prolegomena», *Heidegger Circle Proceedings*, Vol. 27, pp. 11—169; а также см.: Kisiel, Theodore (1995) «Heidegger's Gesamtausgabe: An International Scandal of Scholarship», *Philosophy Today*, 39 (1), pp. 3—15.

постановку, как «точку ноль» философии Хайдеггера, возврат к которой совершается им всякий раз, когда его философская мысль переходит к новому витку развития.

Наиболее примечательным в этом отношении все еще остается проект фундаментальной онтологии Хайдеггера, представленный в трактате «Бытие время». Следует сказать, что это философское произведение, несмотря на то, что сразу же получило признание как *magnum opus* Хайдеггера, в перспективе полного собрания сочинений Хайдеггера открывается как лишь частный случай в череде его попыток развить основные онтологические понятия. Более того, согласно самоинтерпретации Хайдеггера, фундаментальная онтология «Бытия и времени» — это несостоявшийся проект. Однако реконструкция исходной для трактата философской проблематики, в том числе — феноменологического проекта раннего Хайдеггера, позволяет по-новому посмотреть на этот период философского творчества Хайдеггера, поскольку значимым теперь становится не только идейное наполнение трактата, но главным образом — сам «путь», проделанный Хайдеггером к «Бытию и времени».

Вместе с тем, стоит отметить, что устранить пробел в публикации трудов, относящихся к периоду между 1915 и 1927 гг., то есть до публикации «Бытия и времени», удалось относительно недавно². Ведь долгое время трактат производил скорее ложное впечатление некоей замкнутой, чрезмерно усложненной и уже завершенной системы понятий, работа с которыми вызывала затруднения не только у его читателей, но и у исследователей. Только с устранением данного пробела стало понятно, что трактат демонстрирует итоги предшествующей кропотливой работы с философскими понятиями, а также отсылает к определенному кругу проблем, над которыми Хайдеггер имел возможность работать уже достаточно продолжительное время.

---

² См.: Kisiel, Theodore (1995a) «The Genesis of Heidegger's «Being and Time», University of California Press, Berkeley, Los Angeles, London, pp. 1—2.

Инициированный процесс публикации *Gesamtausgabe*, таким образом, создал необходимые условия для того, чтобы возможным стало рассмотрение в динамике самого *процесса* философского становления Хайдеггера. Кроме того, публикация ранних трудов Хайдеггера позволила установить новые значимые идейные и интертекстуальные связи. Это в том числе означает, что реконструкция исходной проблематики философии Хайдеггера теперь может быть осуществлена не только на основании трудов самого Хайдеггера, но и на основании источников, обусловивших его философское становление. Так, например, в комментаторской литературе давно отмечается общий «неокантианский фон» работ, вошедших в первый том полного собрания сочинений. Однако несколько более поздним открытием стала концептуальная связь работ Хайдеггера с трудами неокантианца Ласка, которые, очевидно, обладали для Хайдеггера особым значением. Об этом свидетельствует то, что некоторые из философских средств, обнаруживаемых в «Бытии и времени», все еще восходят к философской терминологии, разрабатываемой в «Логике философии и учении о категориях» Ласка. Тем не менее на данный момент значение этой понятийной адаптации остается не до конца ясным.

Кроме того, в комментаторской литературе, как правило, предполагается идейная связь «Логических исследований» и «Бытия и времени». Ведь принципиальное значение этого труда Гуссерля часто отмечает сам Хайдеггер. Однако Хайдеггер отсылает именно к «шестому» логическому исследованию, которое и становится главным предметом интереса во времена его «феноменологической декады». Об этом в частности свидетельствует курс лекций «Пролегомены к истории понятия времени», прочитанный Хайдеггером в 1925 г. Содержание этого курса, с одной стороны, можно охарактеризовать как своего рода экзегезу «шестого» логического исследования, в которой осуществляется истолкование ключевых понятий этой книги, главным образом — идей интенциональности, нового

смысла априори и категориального созерцания³. Вместе с тем записи этого курса также становятся первым наброском к «Бытию и времени», в котором указанные понятия уже отсутствуют. Причина этому кроется в том, что Хайдеггер, стремясь дать развитие в «Бытии и времени» основным интуициям «Логических исследований», также осуществляет преобразование всех основных феноменологических понятий. Потому одним из главных затруднений, с которыми можно столкнуться при анализе текста «Бытия и времени», является вопрос: каким именно образом Хайдеггер адаптирует указанные идеи в рамках собственного проекта фундаментальной онтологии?

Конечно, дать исчерпывающий и однозначный ответ на этот вопрос — задача фактически невыполнимая. Как и «Бытие и время» Хайдеггера, шестая книга «Логических исследований» остается, пожалуй, одним из самых темных текстов в истории философии. Тем не менее постановка этого вопроса крайне важна для прояснения самих истоков бытийной проблематики Хайдеггера, поскольку без соответствующих реконструкций едва ли возможно пролить свет на развитие «бытийного вопроса» Хайдеггера в рамках его философского наследия.

Таким образом, подводя итог, следует обобщить: актуальность настоящей работы обеспечивается тем, что исследование философского наследия Хайдеггера, которое определено не исчерпывается исследованием трудов, вошедших в полное собрание сочинений, на данный момент нельзя считать завершенным. Ранее было сказано, что философское становление Хайдеггера описывается как история попыток развития онтологических понятий, включающая определенный контекст и исходный круг вопросов, которые стоят за формированием «бытийного вопроса». В качестве продуктивной стратегией при изучении наследия Хайдеггера было предложено возвращение к самой исходной проблематике его философии. Именно этот подход во многом согласуется с рефлексией Хайдеггера,

---

³ Heidegger M. GA20. *Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1979. S. 34.

согласно которой в развитии бытийного вопроса речь идет не об эволюции, но о ряде философских проектов, каждый из которых отмечен характерным возвратным движением к исходному пункту его философии.

Настоящая работа предлагает вернуться к характерной для раннего Хайдеггера феноменологической постановке вопроса и воссоздать трансцендентально-феноменологический исток и основание его философствования. Потому настоящее исследование обращается к *проблеме категорий*, которая, как будет показано в трех главах настоящей работы, составляет центральный элемент проблематики трудов раннего Хайдеггера. Предметом исследования, таким образом, станет своеобразная «теория категорий», черты которой намечаются в работах Хайдеггера. Однако, поскольку уже в самых ранних трудах Хайдеггера «вопрос о категориях» и «учение о значении» не ограничиваются рамками сугубо логической проблематики, — скорее они раскрываются в рамках трансцендентально-феноменологической постановки вопроса о бытии, — указанный предмет исследования правильнее было бы назвать «теорией понимания».

Кроме того, круг вопросов данного исследования предполагает обращение, как уже было отмечено, не только к трудам непосредственно самого Хайдеггера, но также к трудам других авторов, на которые ориентируется Хайдеггер при разработке проблемы категорий. Главным образом это «Логические исследования» Гуссерля, «Логика философии и учение о категориях» Ласка и «Критики чистого разума» Канта. Потому идейное наполнение этих трудов, а также то, как оно эксплицируются в трудах раннего Хайдеггера, будет рассмотрено в настоящей работе в качестве теоретического обоснования «бытийного вопроса». Данная перспектива позволит установить некоторые ключевые для становления проекта фундаментальной онтологии понятийные связи, проследить преобразования указанной проблематики в трудах раннего Хайдеггера и зафиксировать

несколько важных для нее точек, последней из которых станет завершение проекта фундаментальной онтологии, связанное с переходом Хайдеггера к пост-трансцендентальной постановке вопроса о бытии.

Степень разработанности темы исследования

Вышеуказанный анализ генезиса понятий фундаментальной онтологии намечился в исследовательской литературе давно. К наиболее крупным исследованиям в данном направлении относятся работы Т. Кизиля. Прежде всего стоит отметить его ставший во многом фундаментальным труд «Генезис "Бытия и времени"»⁴. В данной работе автор стремится зафиксировать по возможности полный спектр направлений мысли *раннего Хайдеггера*. Фактически данный труд Кизиля представляет собой одну из первых и наиболее полных и достоверных историй становления Хайдеггера, охватывающей период 1915–1927 гг. Однако стоит отметить и другие многочисленные труды Т. Кизиля, в которых развиваются более локальные сюжеты из философии раннего Хайдеггера, среди которых для настоящей работы наибольшим значением обладают: «На пути к "Бытию и времени": введение в перевод "Пролегомен к истории понятия времени" Хайдеггера», «Хайдеггер (1907-1927): трансформация категориального»⁵, «Почему изучающим Хайдеггера придется прочитать Эмиля Ласка»⁶ и др. В этом же ключе осуществлено исследование *раннего Хайдеггера* Дж. Вана Бурена⁷. Кроме того, самой первой попыткой обращения к философии *раннего Хайдеггера*, согласованной с при этом с самим Хайдеггером, можно считать

---

⁴ Kisiel, Theodore (1995) «*The Genesis of Heidegger's «Being and Time»*», University of California Press, Berkeley, Los Angeles, London.

⁵ Kisiel T. Heidegger (1907-1927): *The Transformation of the Categorical //Heidegger Circle Proceedings*. — 1975. — Vol. 9. — P. 109-134.

⁶ Kisiel, Theodore (1995b) «*Why Students of Heidegger Will Have to Read Emil Lask*», *Man and World*, Vol. 28 (3), pp. 197—240

⁷ Buren, J. Van. *The young Heidegger: Rumor of the hidden king*. — Indiana University Press, 1994.

работу О. Пеггелера «Путь мысли Мартина Хайдеггера»⁸, которая впервые вышла в свет в 1963 г.

На русском языке исследование генезиса «Бытия и времени» было намечено в монографии И. А. Михайлова «Ранний Хайдеггер: Между феноменологией и философией жизни»⁹, которая ставит своей целью систематически проследить становление философии Хайдеггера (1910–1925). Также задаче исследования фундаментальных понятий постклассической метафизики (феноменологии) в целом посвящена монография А. Г. Чернякова «Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера». В качестве самого принципа образования феноменологических понятий здесь рассматривается идея временности, а центральной темой становится генеалогия субъективности, от которой автор переходит к ключевому вопросу исследования — о «наследнике» трансцендентальной субъективности. Постановка этого вопроса, в свою очередь, полностью обусловлена хайдеггеровским «переходом» от категорий к экзистенциалам, проблемность которого отмечается автором, и которое требует дальнейшего исследования.

Ключевые сюжеты учения о бытии Хайдеггера как учения о понимании, в свою очередь, исследуются в работах А.Б. Паткуля, в частности в его монографии «Идея философии как науки о бытии в фундаментальной онтологии Хайдеггера»¹⁰.

Кроме того, среди исследований, в которых обсуждается трансцендентально-феноменологическое обоснование метода *раннего Хайдеггера* можно выделить, кроме уже отмеченных работ Т. Кизиля, работы С. Г. Крауэлла, Т. Шихана, И. Фехера, Д. Дальстрема и др. Труды этих

---

⁸ Pöggeler, Otto. *Der Denkweg Martin Heideggers*. Pfullingen: Neske, 1990.

⁹ Михайлов И. А.: Ранний Хайдеггер: между феноменологией и философией жизни. М.: Прогресс-Традиция, 1991. 284 с.

¹⁰ Паткуль А.Б. *Идея философии как науки о бытии в фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера*. — СПб.: Наука, 2020.

авторов стали значимыми главным образом для разработки первой главы настоящей работы, в которой осуществляется обращение к *исходной* проблематике феноменолого-онтологического учения Хайдеггера, а также исследуются возможные связи первичной постановки бытийного вопроса у Хайдеггера с неокантианской традицией. Так, связь трудов неокантианца Ласка — в том числе концептуальная — с трудами раннего Хайдеггера была глубоко проанализирована в работах И. Фехера, Т. Кизиля и С. Г. Крауэлла. Первая глава во многом опирается на ряд статей С. Г. Крауэлла: «Ласк, Хайдеггер и бездомность логики»¹¹, «Эмиль Ласк: алетейология как онтология»¹², «Гуссерль, Ласк и идея трансцендентальной логики»¹³; на указанную выше статью Т. Кизиля и на статью И. Фехера «Ласк, Лукач, Хайдеггер: проблема иррациональности и теория категорий». В этих работах не только производится историко-философский анализ трудов Ласка, Гуссерля и Хайдеггера, но и осуществляется реконструкция «теории категорий», принципы которой формируются в их трудах. Кроме того, влияние неокантианской традиции на Хайдеггера обсуждается в работах С. Люфта, М. Фридмана и Э. Куравски¹⁴. На русском языке влияние Э. Ласка на раннего Хайдеггера исследуется в статье Л. Ю. Корнилаева¹⁵. Также значимым для разработки первой главы стал сборник статей «Хайдеггер и логика»¹⁶ под редакцией А. Денкера, в котором собраны исследования, посвященные в целом логической проблематике в философии раннего Хайдеггера, таких авторов, как П. Травны, А. Денкер, К. Кизиль, Э. Нельсон и др.

---

¹¹ Crowell, Steven G. (1992) «Lask, Heidegger, and the Homelessness of Logic», *Journal of the British Society for Phenomenology*, Vol. 23 (3), P. 222—239.

¹² Crowell, Steven G. (2001) *Emil Lask: Aletheiology as Ontology*, Northwestern University Press, Evanston (IL), P. 37—56.

¹³ Crowell, Steven G. (2001) *Husserl, Lask, and the Idea of Transcendental Logic*, Northwestern University Press, Evanston (IL), P. 56—76.

¹⁴ Kuravsky, Erik. *The Early Neo-Kantian Origins and the Problem of Encounter. Transcendence in Heidegger's Early Thought: Toward Being as Event*. Cham: Springer Nature Switzerland, 2023. 3-26.

¹⁵ Корнилаев Л.Ю. Влияние логики философии Э. Ласка на раннего М. Хайдеггера // *Философские науки*. 2016. № (12). С. 73-82.

¹⁶ Denker, Alfred, and Holger Zaborowski, eds. *Heidegger und die Logik*. Vol. 79. Rodopi, 2006.

Вторая глава настоящей работы реконструирует специфику феноменологической теории значения и потому обращается к «Логическим исследованиям» Гуссерля, к истолкованию ключевых идей этой работы в трудах раннего Хайдеггера, отчасти — у Ласка, а также к интерпретативной литературе, посвященной анализу феноменологической философии. Однако, если говорить про сравнительный анализ феноменологии Гуссерля и Хайдеггера в целом, то следует заметить, — ему посвящен необозримый массив литературы. Потому круг авторов, на исследования которых опирается настоящая глава, сильно ограничен самой проблематикой, предполагающей экспликацию понятийных и содержательных связей концепции категориального созерцания в «шестом» логическом исследовании и понятия бытия, разрабатываемого у Хайдеггера.

Так, при реконструкции феноменологической концепции категориального созерцания настоящая глава главным образом обращается к авторам, которые в своих исследованиях обсуждают феноменологическую теорию значения и анализируют основные понятия «шестого» логического исследования, среди которых можно выделить следующие имена: Р. Соколовски, Р. Кобба-Стивенса, Р. Бернета, Д. Ломара и др. При экспликации феноменологической концепции истины в «шестом» логическом исследовании и ее связи с понятием истины в фундаментальной онтологии Хайдеггера данное исследование во многом опирается на труды Э. Тугендхата, Д. Дальстрома, Э. Штрекер и др.

На русском языке критический анализ феноменологии Гуссерля и Хайдеггера осуществляет в своих работах В. И. Молчанов¹⁷. В. И. Молчанов также подготовил перевод «Логических исследований» и комментариев к ним. Так, перевод «Пролегомен» и первых пяти исследований был выполнен В.И. Молчановым в 2011 г. Перевод первых двух глав «шестого» логического исследования, в свою очередь, был опубликован в «Ежегоднике по

---

¹⁷ Молчанов В. И. Исследования по феноменологии сознания. — М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007.

феноменологической философии»¹⁸ в 2021 г. В 2024 году для русскоязычного читателя стал доступен полный перевод VI «Логического исследования»¹⁹, который длительное время оставался доступным только как XIX/1 том Гуссерлианы (Hua).

Кроме того, исследованию ранней феноменологии Гуссерля и Хайдеггера посвящены отдельные работы В. А. Куренного и И. Н. Инишева. Исследованию «возникновения философии Хайдеггера из феноменологии Гуссерля» посвящена статья Я. А. Слина²⁰. Подход к обоснованию концептуального единства феноменологических учений Гуссерля и Хайдеггера разрабатывается в диссертации Е. В. Борисова, концептуальный анализ феноменологических учений Гуссерля и Хайдеггера произведен в диссертации Э. Тугендхата.

Стоит также отметить вышедший в 2005 г. в рамках Гуссерлианы XX/2 том «К феноменологии выражения и познания»²¹, который представляет собой дополнение Гуссерля к «шестому» логическому исследованию. Этот том примечателен тем, что местами проливает свет на идейное содержание «шестого» исследования, которое и по сей день остается наиболее темным и теоретически непрозрачным местом феноменологии Гуссерля. Этот том также получил широкое обсуждение в исследовательской литературе. Прежде всего следует выделить сборник статей от издательства «Шпрингер» «Значение и язык: феноменологическая перспектива»²², подготовленный непосредственно по случаю публикации данного тома. Здесь представлены

---

¹⁸ Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II, ч. II (Шестое логическое исследование): Элементы феноменологического прояснения познания. Гл. 1—2 / пер. с нем. В.И. Молчанова // Ежегодник по феноменологической философии. — 2021. — №. 1. — С. 242—299.

¹⁹ Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II, Ч. 2: Элементы феноменологического прояснения познания / пер. с нем. В.И. Молчанова. — М.: Академический Проект, 2024.

²⁰ Слинин Я. А. *Возникновение философии Хайдеггера из феноменологии Гуссерля* // М. Хайдеггер: Pro et contra. — 2020. — С. 704—740.

²¹ *Husserl Ed. Logische Untersuchungen. Ergänzungsband. Zweiter Teil. (Hua 20/2)* / hrsg von U. Melle — Dordrecht: Springer, 2005.

²² Mattens F. *Meaning and Language: Phenomenological Perspectives*. Springer Netherlands, 2008.

работы, в которых обсуждается специфика феноменологической теории значения, таких авторов, как Ж. Бенуа, У. Мелле, Ф. Маттенса и других исследователей феноменологической философии.

Также теория значения и проблема языка в феноменологии Гуссерля исследуется в статье Г. Кунга «Мир как ноэма и мир как референт»²³; теория значения у Гуссерля и у Ласка в статье К. Шухмана, Б. Смита²⁴; в работах Р. Бернаскони и Фр.-В. фон Херманна исследуется проблема языка в фундаментальной онтологии Хайдеггера. Отдельно можно отметить работы К. Михальски, в которых можно обнаружить особую трактовку феноменологической идеи созерцания в контексте логической проблематики значения. Вместе с тем, едва ли возможно говорить о том, что связь «шестого» логического исследования и трудов раннего Хайдеггера на сегодняшний день была исследована в комментаторской литературе систематически и полно.

Третья глава настоящего исследования обращается к хайдеггеровской интерпретации трансцендентального учения Канта, выявляя феноменологические особенности такого истолкования. Данная глава отчасти опирается на некоторые работы С.Г. Крауэлла²⁵, в которых вводится и обосновывается, после «феноменологической декады» Хайдеггера, идея его «метафизической декады». С. Г. Крауэлл, однако, производит критический анализ методологических преобразований у «раннего среднего Хайдеггера», и с переходом Хайдеггера к обоснованию метафизики связывает «крах» проекта фундаментальной онтологии. Настоящая глава, фиксируя этот переход, скорее усматривает преемственность между

---

²³ *Kung G.* The World as Noema and as Referent // Journal of the British Society for Phenomenology. — 1972. Vol. 3, no. 1. — P. 15—26.

²⁴ *Schuhmann K., Smith B.* Two Idealismus: Lask and Husserl // Kant Studien. — 1993. Vol. 84, no. 4. — P. 448—66.

²⁵ *Crowell S. G.* Metaphysics, metontology, and the End of Being and Time // Philosophical and Phenomenological Research. — 2000. — P. 307-331; *Crowell S. G.* The Middle Heidegger's Phenomenological Metaphysics // The Oxford Handbook of the History of Phenomenology. — 2018. — P. 229-250.

трансцендентально-философским основанием бытийного вопроса Хайдеггера, теорией фактического понимания, намеченной в «Бытии и времени» и обоснованием «метафизики Dasein».

Новой интерпретации учения Канта у Хайдеггера, в свою очередь, посвящены значимые разделы в работах П. П. Гайденко²⁶, а также в диссертации Н. А. Артёменко²⁷. В работе М. Фридмана²⁸ освещается полемика Хайдеггера с неокантианством, в том числе на примере давосской дискуссии с Э. Кассирером, сюжет которой связывается автором с уходом неокантианства со сцены мировой философии, с одной стороны, и возрастающим интересом к новой «экзистенциальной интерпретации» Канта, с другой. Перевод и комментарий к книге «Кант и проблема метафизики» были подготовлены О. В. Никифоровым. Трансцендентальный характер философствования Хайдеггера исследуется в работах С. И. Ставцева. Влияние немецкого идеализма на становление феноменологии было исследовано в работе А. Шнелля²⁹. Также исследованию хайдеггеровской интерпретации Канта, в том числе проблеме категорий в ней, посвящены работы М. Вэзерстоуна, В. Блаттнера, К. Лафонт и др.

Таким образом, следует заметить, что у бытийного вопроса Хайдеггера, постановка которого до определенного периода осуществляется в рамках трансцендентальной философской традиции, есть свои границы: развитие бытийной проблематики в трансцендентальном ключе прослеживаются непосредственно вплоть до обращения Хайдеггера к идее обоснования метафизики у Канта. Исследуя эти границы, последняя глава опирается в частности на свидетельства самого Хайдеггера, который в период работы над

---

²⁶ Гайденко П. П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология xx века. - М.: Республика, 1997.

²⁷ Артёменко Н. А. Значение временного анализа для обоснования трансцендентализма у М. Хайдеггера, Автореферат диссертации на соискание степени кандидата философских наук. СПб, 2005.

²⁸ Фридман, М. Философия на перепутье: Карнап, Кассирер и Хайдеггер. Пер. с англ. В. В. Целищева. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2021.

²⁹ Schnell A. Phenomenology and German Idealism //The Oxford Handbook of the History of Phenomenology. — 2018. — P. 68-87.

«Бытием и временем» усматривал дальнейшее развитие фундаментальной онтологии именно в направлении фундаментально-онтологического истолкования «Критики чистого разума». Это подтверждается тем, что книга «Кант и проблема метафизики», согласно изначальным планам Хайдеггера, должна была войти в качестве одного из ее разделов во вторую — в итоге неопубликованную — часть «Бытия и времени». При этом именно в хайдеггеровском истолковании «Критики чистого разума» весьма отчетливо проступают границы его фундаментальной онтологии как проекта трансцендентальной философии, которые одновременно представляют собой границы фундаментальной онтологии как таковой. Более того, — что не менее важно — в этот период у Хайдеггера также намечается переход к новой — «пост-трансцендентальной» — постановке вопроса; переход, который, в свою очередь, представляет собой предмет, требующий другого, отдельного исследования.

Объект и предмет исследования

Объектом настоящего диссертационного исследования являются труды из философского наследия М. Хайдеггера (GA), относящиеся к раннему периоду его философского развития (с 1912 г. до начала 1930-х гг.), а также некоторые труды более позднего периода, в которых представлен ретроспективный взгляд Хайдеггера на становление «бытийного вопроса». К последним можно отнести записи «К философии (О событии)», рефлексивную статью Хайдеггера «Мой путь в феноменологию», «Семинар в Церингене» (1973) и др. Кроме того, объект исследования включает в себя в качестве текстов источников, на основании которых производится интертекстуальный анализ, «Логические исследования» Гуссерля, «Логiku философии и учение о категориях» Ласка и «Критику чистого разума» Канта.

Предметом диссертационного исследования является трансцендентально-феноменологические основания концепции понимания,

получившей свое *развитие* в трудах раннего Хайдеггера. Исследование сосредоточено на проблеме категорий и фиксирует соответствующие данной проблематике понятийные сдвиги, в том числе трансформации понятий, которые осуществляются по отношению к исходным философским терминам в трудах Ласка, Гуссерля и Канта.

Методологическая основа исследования

Данное исследование исходит из ряда предпосылок, которые можно сформулировать следующим образом. Во-первых, горизонт хайдеггеровского исследования бытия становится доступным исключительно в рамках феноменологического метода. Главенствующие принципы его подхода при этом следует искать прежде всего в тех идеях феноменологической философии, к которым отсылает сам Хайдеггер. В настоящей работе также учитывается тот факт, что адаптация феноменологического метода к вопросу о бытии осуществлялась Хайдеггером постепенно — на протяжении всей его «феноменологической декады», которой, в свою очередь, предшествует *первичная постановка* вопроса о бытии, осуществляемая в рамках неокантианской эпистемологии. Отсюда возникает предположение о том, что до того момента, когда Хайдеггер окончательно обращается к феноменологической философии, содержание его мысли во многом уже было определено неокантианской философией. Это предположение, в свою очередь, в случае его подтверждения, также должно быть учтено при изучении «феноменологической декады» Хайдеггера.

Во-вторых, несмотря на более позднюю борьбу Хайдеггера и Гуссерля за разработку аутентичного понятия феноменологии, а также различие понятийных структур двух версий феноменологии, фундаментальная онтология Хайдеггера во многом представляет собой *развитие* именно тех идей и интуиций, которые получают свое выражение в «Логических исследованиях» Гуссерля, прежде всего в «шестом» логическом

исследовании. Однако в силу множества трансформаций, которые на пути к «Бытию и времени» претерпевает понятийная структура исследования Хайдеггера, многие из дистинкций фундаментальной онтологии не всегда возможно прямым образом возвести к изначальным феноменологическим или неокантианским понятиям. Восстановление этих понятийных связей, в свою очередь, требует содержательной и понятийной реконструкции тех философских идей и вопросов, которые стоят за бытийным вопросом Хайдеггера.

Настоящее исследование, таким образом, продолжает наметившуюся в исследовательской литературе линию анализа понятий и понятийных групп, развиваемых Хайдеггером на его пути к «Бытию и времени». В этом отношении цель данного исследования — пролить свет на проблемный контекст и генезис анализируемых в работе идей и понятий, согласуя их с уже наметившейся в исследовательской литературе *«понятийной историей»* философии Хайдеггера. Для этого настоящее исследование обращается также к классическим методам анализа — прежде всего к *текстологическому* и к *контекстуальному анализу*. Первый метод направлен на анализ понятийного аппарата, а также на анализ самого процесса его формирования в трудах раннего Хайдеггера. Вторым необходимым для выявления общего концептуального поля в текстах Хайдеггера, Гуссерля, Ласка и Канта. Кроме того, методологическую основу настоящего исследования составляет также *метод историко-философской реконструкции*, который применяется для содержательной реконструкции философских идей, которые относятся к общему проблемному полю философских учений указанных авторов.

Цель и задачи исследования

Цель данного диссертационного исследования состоит в том, чтобы эксплицировать трансцендентально-феноменологические основания теории

понимания (теории категорий), получившей свое развитие в трудах раннего Хайдеггера, а также зафиксировать соответствующие данной проблематике понятийные сдвиги, в том числе трансформации понятий, которые осуществляются по отношению к исходным философским терминам в трудах Ласка, Гуссерля и Канта.

Для достижения этой цели требуется решение следующих задач:

1. Используя материалы «Логики философии и учения о категориях» Ласка и «Логических исследований» Гуссерля, восстановить исходное для Хайдеггера трансцендентально-феноменологическое учение о категориях и значении.
2. Произвести анализ способа, каким Хайдеггер адаптирует основные понятия из «Логических исследований» и «Логики философии и учения о категориях». Обосновать генетическую связь отдельных понятийных нововведений Хайдеггера с соответствующими исходными феноменологическими и неокантианскими понятиями.

Задачи (1) и (2) включают в себя:

(а) Анализ учения о категориях Ласка как протофеноменологической теории значения и онтологии «значимого» (*Geltung*). Установление в контексте этого учения возможного значения понятийной адаптации, которую осуществляет Хайдеггер, обращаясь к терминологии Ласка не только в самых первых своих работах, но и в таком теоретически выверенном труде, как «Бытие и время».

(б) Выявление специфики сигнитивной и интуитивной интенции в анализе восприятия у Гуссерля и реконструкцию на этом основании основных принципов феноменологического учения о значении в трудах Гуссерля и Хайдеггера.

(в) Реконструкцию идеи категориального созерцания в «шестом» логическом исследовании, а также соответствующей ей концепции истины. Установление содержательной и понятийной связи между этими идеями ранней феноменологии Гуссерля и основными идеями и понятиями фундаментальной онтологии Хайдеггера. Это включает в себя: экспликацию идеи «проектирующего понимания» — понимания как «набрасывания» пустой интенции значения и ее «созерцательного» исполнения в фундаментальной онтологии Хайдеггера; обоснование связи этой идеи с феноменологической концепцией истины как идентификации.

3. Выявить феноменологические основания хайдеггеровской деструкции «Критики чистого разума» Канта, поскольку она становится частью проекта фундаментальной онтологии. Проследить как хайдеггеровское истолкование трансцендентальной способности воображения в качестве «проектирующего понимания» продолжает развитие наметившейся у Хайдеггера ранее теории «понимания бытия».
4. Обозначить границы и связь между трансцендентальной теорией понимания бытия у Хайдеггера и его идеей «метафизики Dasein».

Основные положения, выносимые на защиту

(1) Феноменолого-онтологический проект раннего Хайдеггера остается в рамках трансцендентальной философской традиции и не может быть понят вне исходного для Хайдеггера трансцендентально-феноменологического учения о категориях и значении, которое формируется в трудах Канта, Ласка и Гуссерля. Более того, Хайдеггер в своих ранних трудах не только подразумевает наличие данной связи, но и во многом претендует на развитие

и завершение трансцендентального учения о категориях в собственном учении о понимании бытия.

(2) Хайдеггер расширяет понятийный аппарат феноменологии за счет адаптации некоторых из понятийных средств логико-философского учения Ласка. В самых ранних трудах — за счет самой идеи значимости (*Geltung*) и производных от нее понятий. Так, первая модель онтологической дифференции у Хайдеггера, также как и у Ласка, предполагает проведение различия именно «сущего» (*Seiende*) и «значимого» (*Geltende*), осуществляемого в рамках «области всего мыслимого», которая, в свою очередь, может быть понята в качестве протофеноменологической идеи горизонта. При этом философское учение Ласка служит источником концептуального наполнения не только для самых ранних трудов Хайдеггера, понятийная связь с этим учением прослеживается даже в такой теоретически выверенной работе, как «Бытие и время»: а именно в рамках фундаментальной онтологии, представленной главным образом в «Бытии и времени», формируется «теория значения», отдельные элементы и понятия которой все еще восходят к логическому учению Ласка.

(3) Основные понятия фундаментальной онтологии восходят к «Логическим исследованиям» Гуссерля. В особенности фундаментальным значением для Хайдеггера обладает идея категориального созерцания, тематизируемая Гуссерлем в «шестом» логическом исследовании, а также связанная с идеей категориального созерцания феноменологическая концепция истины как идентификации. Это подтверждается тем, что феноменологическое представление о возможностях созерцательного исполнения пустых интенций значения становится частью от идейного содержания фундаментальной онтологии Хайдеггера.

Во-первых, феноменологическое представление о динамике пустой и наполненной интенции значения играет ключевую роль для тематизации хайдеггеровского понятия истины в «Бытии и времени». В 44 параграфе

«Бытия и времени» Хайдеггер воспроизводит логику обоснования феноменологической идеи истины из «шестого» логического исследования Гуссерля — как идентификации или как полного согласования «подразумеваемого (Gemeintem) и данного (Gegebenem) в созерцании». Если у Гуссерля истина как «согласование» означает, что созерцание дает предмет именно *так, как* он интендирован в подразумевающем его акте, у Хайдеггера то же самое отношение осмысливается в терминах согласования между «высказываемым» и «показывающим себя», а иногда и вовсе формализуется до отношения «так — как». То единство, которое устанавливается в результате полного согласования «высказываемого» и «показывающего себя» Хайдеггер называет «раскрытостью». Отсюда следует, что идея истины как раскрытости (Entdecktheit) не является специфическим понятием фундаментальной онтологии Хайдеггера, она воспроизводит феноменологическую идею истины как идентификации или по меньшей мере генетически к ней восходит. Кроме того, само высказывание, анализ которого в «Бытии и времени» инициирует исследование «бытия-истинным» (феноменологической очевидности), Хайдеггер истолковывает в качестве «выявляющего давания увидеть». Это, в свою очередь, должно означать, что предметом анализа здесь становится вовсе не высказывание как таковое, но специфические акты реализации высказывания, то есть акты категориального созерцания.

Более того, в целом можно говорить о том, что в «Бытии и времени» Хайдеггер развивает концепцию понимания как проектирования (на «мир») или набрасывания (проективных антиципаций), основанием для которой становится указанное феноменологическое представление о возможностях интуитивного исполнения пустых интенций значения. В качестве аналога гуссерлевской пустой интенции значения у Хайдеггера следует выделить само понятие «наброска понимания» (Entwerfen des Verstehens), раскрывающее сущее в его бытийной возможности, а также связанное с ним понятие истолкования (Auslegung).

(4) Хайдеггеровское «возвращение к Канту» (1929) предполагает развитие той же проблематики, которую Хайдеггер выявляет для себя в «Логических исследованиях» Гуссерля и «Логике философии и учении о категориях» Ласка. С этим оказываются связаны многие идейные преобразования «Критики чистого разума», которые наблюдаются в ее истолковании у Хайдеггера. Так, выдвигая в центр всей проблематики «Критики чистого разума» способность трансцендентального воображения, Хайдеггер разрушает саму ее архитектонику. Однако основания такого деконструирующего истолкования во многом могут быть выявлены в исходной для него феноменолого-онтологической проблематике. К таковой прежде всего относится феноменологическая идея категориального созерцания, развитие которой определенно просматривается в экспликации идеи трансцендентального воображения у Хайдеггера. В этой экспликации чистое категориальное полагание и чистое созерцание получают свое истолкование в качестве *структурных элементов изначального единства*, образуемого в понимании, которое Хайдеггер характеризует в качестве «*трансцендентального наброска*». То есть, способность трансцендентального познания истолковывается у Хайдеггера как интенциональность, раскрывающая саму «предметность предметов», а ее проективная и нетворческая схематизация (трансцендентальное воображение) как то, что образует горизонт предметности и относится к пониманию бытия (Seinsverständnis). Эта заново воссозданная у Хайдеггера архитектоника «чистого разума», в свою очередь, предполагает также переопределение самой цели и задач «Критики чистого разума», получающей теперь свое новое истолкование в качестве «теории бытия», в которой речь идет не о формировании общей «теории познания», но о формировании «теории понимания» как понимания самого бытия.

(5) Последней точкой развития трансцендентально-философской проблематики в трудах Хайдеггера становится переход к обоснованию *метафизики Dasein*, с которым оказывается связано завершение проекта

фундаментальной онтологии. Здесь в философии Хайдеггера фиксируется определенный методологический и содержательный сдвиг. Наряду с развитием фундаментальной онтологии в качестве трансцендентального философского проекта, в том числе в части формируемой у раннего Хайдеггера концепции понимания, здесь также прослеживается стремление Хайдеггера снабдить фундаментальную онтологию онтическим обоснованием. Это выражается прежде всего в том, что само исследование трансцендентальной способности познания (понимания), задействующего в качестве обоснования «Критику чистого разума» Канта, осуществляется теперь в рамках метафизической перспективы, определяющей понимание также через «отношение к сущему в целом», в которое заступает «экзистирующее Dasein». Так, если в «Бытии и времени» речь все еще идет о «метафизически нейтральном» Dasein в его отношении к тому, что для него означает «быть», то в книге «Кант и проблема метафизики» проглядывается уже метафизический взгляд на человека вообще — в его *отношении к миру как к тотальности сущего*, в котором «понимание бытия» будет определяться из этого отношения. Таким образом, в этот период у Хайдеггера осуществляется смена самой исследовательской перспективы, в связи с чем следует говорить также о начале нового, метафизического этапа в развитии мысли Хайдеггера.

Научная новизна исследования

В отличие от работ, посвященных исследованию «раннего Хайдеггера», в которых анализируется и реконструируется по возможности полный спектр направлений мысли Хайдеггера, настоящее исследование предлагает более прицельное выявление и определение проблематики, указанной в качестве темы настоящей работы. Научная новизна исследования, таким образом, определяется самими рамками выявляемой в настоящей работе

проблематики, в которой в ходе исследования было зафиксировано несколько точек развития.

В качестве «точки ноль» была зафиксирована сама постановка бытийного вопроса у Хайдеггера как *вопроса о категориях*. При этом было показано, что первичная постановка этого вопроса во многом осуществляется в рамках неокантианской эпистемологии (юго-западной школы), усвоенной Хайдеггером главным образом через труды Эмиля Ласка. Обращение к неокантианскому истоку философствования Хайдеггера, в свою очередь, позволило по-новому посмотреть на развитие философского проекта раннего Хайдеггера, а именно на период его «феноменологической декады», во времена которой им осуществляется адаптация, в том числе понятийная, философского метода Гуссерля. Здесь в рамках формирующейся у Хайдеггера онтологической теории категорий, специфика которой позволяет назвать ее теорией понимания, было выявлено значение феноменологической концепции категориального созерцания и установлены ключевые понятийные преобразования этой идеи, проводимые Хайдеггером в фундаментальной онтологии. Наконец, в качестве последней точки развития указанной проблематики было зафиксировано хайдеггеровское «возвращение к Канту» (1929) и представленное им новое феноменологическое истолкование «Критики чистого разума», с которым оказывается связано завершение проекта фундаментальной онтологии. Было показано, что у Хайдеггера исследование трансцендентальной способности познания как способности «понимания бытия» (*Seinsverständnis*), с одной стороны, представляет собой закономерное развитие проблематики, которую он выявляет для себя еще в трудах Гуссерля и Ласка. Вместе с тем здесь также фиксируется новый понятийный и идейный сдвиг — последний в рамках проекта философии раннего Хайдеггера, рассматриваемого здесь в качестве проекта трансцендентальной философии.

Таким образом, в ходе исследования была реконструирована исходная для Хайдеггера теория значения и категорий с привлечением трудов Э. Ласка, Э. Гуссерля и И. Канта. На этом основании были прослежены значимые для проблематики исследования понятийные связи в указанных трудах, был уточнен и помещен в свой изначальный контекст ряд ключевых понятий фундаментальной онтологии Хайдеггера.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Полученные в настоящей работе результаты уточняют и дополняют наметившуюся в исследовательской литературе линию анализа генезиса основных понятий философии Хайдеггера, реконструируют круг исходных проблем и вопросов феноменологической философии Хайдеггера. Тем самым исследование также способствует углублению и конкретизации проблем феноменологической философии в целом. Результаты настоящего исследования могут быть использованы для построения специальных курсов, ориентированных на практики медленного чтения и углубленной работы с понятиями феноменологической философии.

Структура диссертации

Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы. В первой главе осуществляется постановка проблемы категорий у Хайдеггера, исследуются концептуальные связи философского проекта раннего Хайдеггера и логико-философского учения неокантианца Ласка. Во второй главе реконструируется специфика феноменологической теории значения, которая включает в себя реконструкцию феноменологической концепции истины и идеи категориального созерцания, а также выявление данных идей и их

понятийных преобразений в трудах раннего Хайдеггера. В третьей главе рассматривается хайдеггеровское истолкование «Критики чистого разума», выявляются его феноменологические основания, исследуется обращение Хайдеггера к «метафизике Dasein». В заключении результаты исследования обобщаются, делаются выводы по всем трем главам.

Апробация результатов исследования

Основные положения диссертационного исследования были отражены в следующих публикациях:

- Статья Мельникова Е. В. Вопрос о концептуализации философии: Хайдеггер и Ласк // Вопросы философии. 2022. № 2. С. 158—168. (Scopus Q2, WoS)
- Статья Мельникова Е. В. Проблема категориального в феноменологическом анализе восприятия: Гуссерль и Хайдеггер // HORIZON. Феноменологические исследования. 2022. Т. 11. № 2 (Scopus Q2, WoS). С. 641—665.
- Мельникова Е. В. Гуссерль, Хайдеггер и Ласк: учение о смысле и значении // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 8, No 2. С. 162—182. (Scopus Q2)

Основные положения и результаты исследования были отражены в выступлениях автора на конференциях, среди которых:

- Доклад: Проблема суждения в феноменологии раннего М. Хайдеггера 2022 Российский философский конгресс «Философия в полицентричном мире» (Москва).

- 2021 Девятая московская международная Платоновская конференция (Москва). Доклад: Платонизм в феноменологическом учении о категориальном созерцании.
- 2020 XI международная конференция Школы философии НИУ ВШЭ «Способы мысли, пути говорения» (Москва). Доклад: Феноменология раннего М. Хайдеггера

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** к настоящей работе раскрывается актуальность темы диссертационного исследования, описывается степень ее разработанности, определяются объект и предмет исследования, указываются методологические основания работы, формулируются цели и задачи исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту, описывается новизна исследования, теоретическая и практическая значимость работы, указывается список докладов автора на конференциях и список публикаций, в которых были отражены основные результаты настоящего исследования.

Первая глава «Ранний Хайдеггер: между неокантианством и феноменологией» посвящена исследованию связи неокантианской философии Э. Ласка и феноменологической философии раннего Хайдеггера. В **разделе 1.1. «Проблема категорий»** рассматривается начало философствования Хайдеггера, которое, как показывается в этом разделе, было отмечено идеей развития вопроса о категориях как вопроса о бытии. Как отмечает Хайдеггер, изначально «вопрос о бытии» был понят им именно как «проблема категорий». «Точка ноль» философии Хайдеггера фиксируется в этом разделе в самом его переходе от неокантианства к феноменологии. Отмечается, что окончательное обращение Хайдеггера к феноменологической философии осуществляется во многом через труды

неокантианца Ласка, которые заставляют его вернуться к проблематике «шестого» логического исследования Гуссерля, в котором разрабатывается феноменологическая концепция категориального созерцания. Однако дальнейшая адаптация феноменологического метода будет осуществляться Хайдеггером в течение всей его «феноменологической декады», во времена которой им будет произведена трансформация фактически всех основных понятий феноменологии. Потому в настоящем разделе ставится также один из главных вопросов настоящего исследования о том, каким именно образом Хайдеггер адаптирует идею категориального созерцания в собственном философском учении, прежде всего – в трактате «Бытие и время», после публикации которого, собственно, возникают первые дискуссии о концептуальном единстве двух версий феноменологии.

В разделе 1.2 обсуждается предположение о влиянии неокантианской философской традиции (трансцендентальной философии ценностей) на раннего Хайдеггера, поскольку в рамках баденской школы, основанной во Фрайбурге Г. Риккертом, проходил первый этап философского становления Хайдеггера. Рассматриваются некоторые аспекты из его самых ранних работ, позволяющие утверждать, что предпосылка, из которой исходит в этих трудах Хайдеггер, — это культурфилософское телеологическое (ценностное) истолкование истории, определяющее – пусть не методологически, но содержательно, – философскую проблематику, развиваемую Хайдеггером в дальнейшем. Вместе с тем отмечается, что из под непосредственного влияния неокантианской эпистемологии Хайдеггер выходит достаточно быстро. Так, феноменологическая декада Хайдеггера уже была отмечена явной полемикой с неокантианцами, в частности с теоретическими способами трактовки проблем истории. Более того, после публикации «Бытия и времени» начинается новый этап в развитии философской мысли Хайдеггера. В этом время он предлагает собственное «феноменолого-метафизическое» истолкование учения Канта, которое, в свою очередь, было воспринято современниками как вызов для школьной – неокантианской – философии.

Исключением в определенном смысле здесь остается логико-философское учение неокантианца Ласка. Концептуальная связь учения Ласка и феноменологического учения о бытии Хайдеггера, как отмечается в настоящем разделе, прослеживается непосредственно вплоть до «Бытия и времени».

Раздел 1.3. *«На пути к «Бытию и времени»: вопрос о бытии в его связи с философским учением Э. Ласка»* посвящен исследованию концептуальной связи трудов Ласка и раннего Хайдеггера. В качестве главного структурного момента логики этих учений выделяется принцип онтологической дифференции, первой моделью которого у Хайдеггера становится неокантианское деление «области мыслимого» на сферы «сущего» и «значимого». Отмечается, что в таком виде это деление также производится в «Логике философии и учении о категориях» Ласка. В этом труде Ласк, для того чтобы обозначить логический аспект всего существующего, прибегает к введенному в философский оборот Г. Лотце выражению «значить» или «иметь силу» (*das gilt*). Это же выражение в рамках сходной дифференциации сфер «физического», «психического», «метафизического» и «значимого» использует в самых ранних своих трудах и Хайдеггер, в которых оно становится маркером особой «формы действительности» смысла. Более того, само понятие «бытия» у Ласка и у Хайдеггера, как показывается в настоящем разделе, определяется одинаково: Ласк, также как и Хайдеггер позднее, определяет бытие изначально негативно – как радикально «несущее» (*Nichtseiendes*), инородное для области «сущего» и «сверхсущего» (метафизического). Иными словами, бытие превращается здесь в логический предикат всего существующего, который как нечто только лишь «значимое» образует саму область философского исследования.

Раздел 1.4 рассматривает формирующееся у Ласка учение о значении как своего рода *протофеноменологическое исследование дотеоретической области значимого*. Обсуждается критика «теории двух миров» у Ласка, которая, вместе с тем, представляет собой критику метафизики. Последняя,

согласно Ласку, мыслит из дуализма, разделяющего область мыслимого на «полусферы» «сущего» и «сверхсущего». В результате этого «логически-значимое» остается в метафизической традиции нераспознанным. Отмечается, что подобным образом у Хайдеггера формулируется проблема «забвения» вопроса о бытии в метафизике, категориальный аппарат которой был разработан для «сферы» сущего и потому оказался совершенно не пригоден для тематизации смысла/истины самого бытия.

В настоящем разделе также отмечается, что задача по концептуализации сферы значимого у Ласка предполагает возобновление трансцендентально-логического исследования Канта. Однако Ласк при этом расширяет саму область применения категорий. Категориям нового порядка у него становятся трансцендентальные формы значимого или «конститутивные категории» как «истины» о специфически «нечувственном» значимом. В самом этом расширении области применения категорий у Ласка, в свою очередь, прослеживается близость проблематики его логико-философского учения к феноменологическому учению Гуссерля, который в «шестом» логическом исследовании также отходит от чисто семантического понимания категорий и от понимания «данности», зауженной на сферу чувственно-созерцаемого, обосновывая «данность» самих категориальных форм и идей в актах категориального созерцания.

Кроме того, поскольку «данностью» у Ласка становится нечувственное значимое (*Geltung*), концептуализируемое как смысловое и «ценностное» измерение философии, делается также вывод о том, что в учении Ласка представлен анализ «дотеоретического» уровня жизни. Этим уровнем становится само значимое измерение опыта, субъективная сторона проживания которого описывается Ласком в терминах специфической «преданности» (*Hingabe*) нечувственному. При этом такой «дорефлексивный» опыт у Ласка, даже в самых простых его формах, как и в феноменологическом учении об интенциональности, оказывается неразложим до чувственного восприятия и нередуцируем к психическому

переживанию. Его можно назвать нерелексивным растворением в самих значимых формах – в смысловой действительности. Отсюда делается заключение о том, что у Ласка формируется учение об «объективном» конституировании смысла, которое он называет не панлогизмом, но «панархией логоса». Последняя трактует реальность как «категориально-заряженную», исходя при этом из положения о принципиальной непреодолимости иррационального момента фактичности.

«Панархия логоса» Ласка, в свою очередь, как отмечается в данном и следующем разделах, может быть сопоставлена с учением о смысле бытия у Хайдеггера, поскольку в последнем, во-первых, бытие трактуется как то, что *не есть*, но то, что «дано» исключительно *в понимании*, то есть оно предполагает также специфическую «теорию значения». Кроме того, в этом учении предварительным условием для категориальной или экзистенциальной экспликации смысла фактичности становится возвращение к «нетематизированному факту понимания бытия», которое в «Бытии и времени» выявляется в анализе повседневности и в исследовании значимой конституции «мира» (Bedeutsamkeit). Предполагается, таким образом, что общим элементом логико-философского учения Ласка и феноменологического учения о бытии Хайдеггера может стать формирующееся в них сходное по своим принципам «учение о значении».

Раздел 1.5. продолжает исследовать концептуальную связь трудов Ласка и раннего Хайдеггера и обращается к «теории значения», которая формируется в рамках фундаментальной онтологии Хайдеггера. Отмечается, что понятийная структура «Бытия и времени» включает в себя множество неологизмов. Однако, среди новых понятий фундаментальной онтологии встречаются также и отдельные терминологические заимствования из «логики философии» Ласка, а также такие понятия, которые, хоть и не являются прямыми заимствованиями, могут быть восприняты как аналоги некоторых понятий «логики философии». Среди таковых в этом разделе обсуждаются понятия «заботы» и «свойности (Vertrautheit) с миром» как

понятия, которые, по всей видимости, восходят к идее «преданности нечувственному» (Hingabe) у Ласка, а также неперебиваемые понятия «Bewandtnisganzheit» и «Bewandtnis». Последнее у Ласка служило обозначением для объективной «истины in concreto». Потому предполагается, что исследование причин адаптации именно этого термина в фундаментальной онтологии Хайдеггера требует также установления в тексте «Бытия и времени» возможных импликаций, отсылающих к концепции истины у Ласка. Кроме того, обсуждаются такие понятия фундаментальной онтологии, как «окружающий мир» (Umwelt), значимость, «отсылка» и др. Отмечается, что само понятие «мир» в фундаментальной онтологии Хайдеггера также восходит к неокантианскому представлению о значимой реальности, поскольку Т. Кизилем было показано, что идиосинкразическое выражение «мир мирует» (es weltet) у Хайдеггера изначально было изобретено по аналогии с узнаваемыми безличными немецкими предложениями типа: «es gilt», «es soll», «es wertet» и др.

Вместе с тем, отмечается, что все указанные понятия, несмотря на то, что истоки их происхождения так или иначе могут быть обнаружены в «логике философии» Ласка, в фундаментальной онтологии претерпевают определенное развитие. Например «окружающий мир» (Umwelt) в «Бытии и времени» – уже не «духовный мир» неокантианцев, в котором все предметы – это предметы культуры, обладающие «ценностными характеристиками», и даже – не «смысловой универсум» Гуссерля. Все вещи окружающего мира в фундаментальной онтологии из просто «наличного» превращаются в «подручное». При этом само это подручное сущее у Хайдеггера, при его «исправности», представляет собой род «отсылающего сущего», из которого формируется «совокупность значимых отсылок». Иными словами, все сущее, встречающееся в повседневности, по Хайдеггеру, фактически растворяется в *формальной или даже знаковой структуре своего бытия*, а это формальное и объективно «конституируемое» бытие сущего, в свою очередь, эксплицируется у Хайдеггера как нечто первичное, более изначальное, чем

факт «голового наличия» сущего. Отсюда делается вывод о том, что в фундаментальной онтологии Хайдеггера формируется специфическая теория значения, в которой исходным становится сам феномен «отсылания сущего», и которая предполагает выявление знаковой структуры бытия в качестве «характеристики вообще всего сущего».

Это представление о формальном устройстве бытия сущего сопоставляется в данном разделе с учением о трансцендентальных формах у Ласка, в которых конституируется «объективная» реальность и которые определяются в «Логике философии и учении о категориях» как своего рода отсылки или значения-к (Hingeltung). Ласк считает, что трансцендентальные формы не являются чистыми формами рассудка, в соответствии с которыми приводится «вещь». Неокантианская телеологическая модель познания заменяется здесь разрабатываемым Ласком принципом «материальной определенности», который, в свою очередь, означает, что все трансцендентальные формы как «значения-к» представляют собой не субъективные формы чистого мышления, а индивидуальные значения, мотивированные «самим предметом», в которых конституируется реальность. Потому в учении Ласка формируется концепция истины, близкая к реализму. Мышление здесь можно определить как особую форму интенциональности – оно есть форма сопряжения с «объективной реальностью», с предметом мышления, специфической «ясностью о» котором оно является. Отмечается также, что в данной связи у Ласка возникает понятие объективного «обстояния» самой вещи (Bewandtnis), которое Хайдеггер адаптирует в «Бытии и времени» в сходном контексте. При этом этот *объективный* момент «обстояния» самого сущего как то, что не зависит от познающего субъекта, описывается Ласком как «затронутость» вещи значимой формой и как «просвечивание» ее «материала». Коннотации этой концепции истины, в свою очередь, прослеживаются и в тексте «Бытия и времени», где философская метафора света наделяется онтологическим значением – свет становится здесь своего рода условием «присутствия» вещи. Такая

«прозрачность» вещей может быть ассоциирована с «объективностью» мира и его значимой конституцией, которая и делает мир куда более «реальным», чем само существующее сущее. Однако исконным «просветом» Хайдеггер все же называет саму разомкнутость *Da*. В этом отношении Хайдеггер идет дальше Ласка: бытие всего подручного как исходное, пусть и не «ближайшим» образом данное бытие, в конечном итоге должно вести у Хайдеггера к вопрошанию о бытии самого «агента» понимания – о собственном бытии *Dasein*, а также к новому пониманию «*смысла*», который в фундаментальной онтологии определяется не только в качестве логической конституции мира, но и в качестве *экзистенциала Dasein*.

В заключении делается вывод о том, что в рамках фундаментальной онтологии Хайдеггера получает более менее цельное оформление сообразная ее внутренней структуре теория понимания, которая – даже на этом этапе – все еще включает в себя элементы логико-философского учения Ласка. Эта концепция, в свою очередь, включает в себя идею понимания бытия как проектирования или «набрасывания» (*Entwerfen des Verstehens*) значений и требует экспликации не только в ее связи с учением Ласка, но и в ее связи с феноменологическим учением об интенциональности Гуссерля, идейным продолжением которого она по сути дела является.

Вторая глава настоящего исследования «*Учение о значении и категориях*» раскрывает некоторые особенности феноменологической теории значения, которая формируется в «Логических исследованиях» Гуссерля, и получает развитие у Хайдеггера, а также, отчасти, в трудах неокантианца Ласка. Настоящая глава предполагает рассмотрение феноменологического учения, в том числе учения о бытии М. Хайдеггера, как трансцендентально-философского исследования, которое эксплицирует *структуру смысла* в качестве условия раскрытости бытия сущего. Трансцендентальный характер феноменологической философии в настоящей главе раскрывается прежде всего через демонстрацию следующего положения: предметом исследования феноменологии становится не сущее и

его «реальные» свойства – акцент с «предмета» смещается в феноменологии на исследование самих *способов* его данности. Демонстрируется также, что феноменологическое учение об интенциональности предполагает в качестве главного структурного элемента анализа восприятия обоснование единства актов сигнификации и интуиции. Само феноменологическое различение этих актов при этом восходит к представлению о двух возможных модусах «данности» предмета – *мышления* (Denken) и *созерцания* (Anschauung, Intuition), которые у Канта, как известно, представляют собой два корня единого процесса познания. Предельная цель данной главы состоит в том, чтобы показать, что фундаментальная онтология Хайдеггера остается трансцендентальным исследованием, поскольку эксплицирует структуры *понимания*, или даже *предпонимания*, и поскольку экспликация этих структур у Хайдеггера также предполагает феноменологическое представление о пустой и созерцательно исполненной интенции значения, то есть о возможности категориального созерцания.

В разделе 2.1. обсуждается содержание основных дистинкций, которые имеют наиболее непосредственное отношение к феноменологическому учению о значении. Отмечается, что «Логические исследования» Гуссерля представляют собой философское учение о значении, фундаментом которого становится анализ восприятия. Отмечается также, что в каждом из шести исследований данного двухтомного труда Гуссерлем на разных уровнях тематизируется и обосновывается ключевое феноменологическое различие – интенции, *придающей значение* и интенции, *исполняющей значение*. В последнем, «шестом», исследовании, где вся работа достигает своей кульминационной точки, Гуссерль переходит к обоснованию феноменологической концепции «категориального созерцания», в которой достигается полное онтологическое обоснование изначально задумываемого им «Bedeutungslehre», и которая уже для Хайдеггера становится ключевым элементом в обосновании его «бытийного вопроса».

Феноменологическое исследование, идея которого эксплицируется в данном разделе, таким образом, состоит из ряда восхождений: сначала от анализа «логически-языкового» или языкового анализа (Sprachanalyse) к анализу мышления (Denkanalyse), который, по Гуссерлю, не может быть исчерпан исследованием исключительно дискурсивного и сигнитивного мышления. Потому затем от анализа мышления в «Логических исследованиях» также совершается переход к анализу наполненного мышления — к анализу созерцания (Anschauungsanalyse) и его ступеней, с которого, собственно, и начинается феноменологическое исследование.

Такое указание на возможность достижения этой «созерцательной полноты» как предельной цели феноменологического познания содержится и в истолковании понятия «феноменология» в «Бытии и времени» Хайдеггера, где подлинным значением этого понятия в результате произведенного им возведения обеих корневых основ слова «феноменология» к единому глаголу «ἀποφαίνεσθαι» становится – «разрешение видеть то, что себя кажет так, как оно само себя кажет, исходя из него самого». Однако, как отмечается в настоящем разделе, неверным было бы понять «созерцательную полноту» феноменологии как интеллектуальную интуицию, а феномены феноменологии как то, что обладает «неязыковым» характером и обретается только в «созерцании». Последнее не достигается вне некоей значимости. Сама структура, проведенного Гуссерлем исследования, говорит об этом: в первых «логических исследованиях» намечается феноменология «языкового выражения» (Ausdruck), здесь же Гуссерлем отвергается представление о существовании «смысла» вне его языкового выражения.

Кроме того, в настоящем разделе, как и в последующих, демонстрируется, что различение интенции значения и созерцательной интенции предполагает также обоснование *специфики феномена значения*. Ведь, по Гуссерлю, значение, будучи содержанием всякой интенциональности и ее выработкой (Leistung), всегда будет обладать

специфическим «преизбытком» (Überschuss in der Bedeutung) по отношению к воспринимаемому. Следовательно, интенция значения не может быть сведена к созерцательной интенции. Она обладает собственным содержанием, которое нельзя исчерпать как в восприятии и созерцании, так и в «психическом переживании». При этом именно этот переизбыток значения гарантирует соответствие выражаемого и воспринятого. Потому именно язык или речь в феноменологии исследуется как та сфера, в которой опыт может быть выражен наиболее *адекватным* образом.

В **разделе 2.2.** исследуется интенциональность как сфера, в которой, согласно Гуссерлю, знак становится носителем значения, то есть – как сфера «одушевляющих» актов *придания значения и осуществления значения*. Отмечается, что этими значимыми знаками (bedeutsames Zeichen) является прежде всего речь, которая, согласно Гуссерлю, есть не просто «колебание голоса»: «воспринимаемая» речевой знак, мы, по Гуссерлю, не столько слышим или видим его как некий внешний, чувственно-воспринимаемый «объект», сколько непосредственно понимаем, что он *означает*. А поскольку понимание значения никогда не бывает мотивировано самим восприятием знака, Гуссерль заключает, что наряду с актом восприятия должен иметь место некий иной «акт», как бы «одушевляющий» это восприятие, то есть — *интенция значения*. От проблемы языкового выражения, таким образом, Гуссерль переходит к исследованию этих особых «актов» – интенций значения и ступеней их осуществления.

Понятие интенциональности в настоящем разделе потому рассматривается как фундамент феноменологической «теории смысла и значения». Главная цель этого раздела – показать, что фундированность значения в интенциональном акте вовсе не означает, что само значение трактуется в феноменологии как «ментальный феномен» или как некое производное от психического переживания. Демонстрируется, что Гуссерль отходит от Brentano'sкого понятия интенциональности и связанного с ним

различия «ментальных» и «физических» феноменов, и вырабатывает совершенно новое понятие – «*смысловой интенциональности*». Это означает, что под интенцией в феноменологии понимается вовсе не «ментальный акт» и «ментальная репрезентация» как его имманентное содержание, но строго «акт», *наделенный значением*. Значение, в свою очередь, не является «внутренним» феноменом, оно принадлежит к «объективной», языковой реальности и образует отдельную логическую область «действительности» – некое «царство смысла». Значение как содержание интенциональности, таким образом, не может быть конституировано чем-либо «*психическим*» или «ментальным», а сама интенция значения отлична от ментального акта как психического события.

Интенции значения, под которой в «Логических исследованиях» понимается любой «подразумевающий нечто» акт, кроме того, обладает собственной логической конституцией. Поскольку этот акт «наделен значением», он также функционирует как «указание» на свой «предмет» и всегда предполагает знаковое выражение. Это в том числе означает, что значение в феноменологии остается именно *языковым феноменом*, специфика которого обосновывается в анализе интенциональности. В данной связи отмечается также связь учения о феноменах с формирующимся в «Логических исследованиях» представлением о трех семантических уровнях (знак-предмет-смысл). Демонстрируется, что, как и Фреге, Гуссерль исследует *смысл* в качестве отдельного семантического уровня и в качестве так называемой «*третьей инстанции*».

Кроме того, развитие идеи смысловой интенциональности прослеживается также и в ранних работах Хайдеггера. В данном разделе обсуждается его реабилитационная работа, посвященная «учению категориях и значения» у Дунса Скота. Отмечается, что реконструкция учения о значении Дунса Скота у Хайдеггера, предполагает феноменологическую интуицию о том, что все «*предметное*» и сообразное сознанию

(bewußtseinsmäßig), то есть все интенциональное, может быть *выражено в значениях*. В данной связи Хайдеггер обсуждает различие предмета, «данного в *Species intelligibilis*», и предмета «как такового» у Дунса Скота, истолковывая «уразумеваемый вид» (*Species intelligibilis*) как интендированный предмет или «модус», в котором предмет «в своем присутствии предстает перед сознанием». При этом Хайдеггер критикует психологическую трактовку «присутствия предмета для сознания» как некоего «события в душе», поскольку тогда, по Хайдеггеру, невозможно объяснить сам *феномен значения*: если понимать значение психологически, оно превращается в ментальный феномен, в представление, которое еще каким-то образом должно сопрягаться с речевым знаком.

Согласно Хайдеггеру, сфера «внутреннего переживания» не есть сфера, в которой конституируются значения. Последние как то, что относится к языковой реальности, должны быть также соотнесены с их *предметом*, а потому учение о значении требует развития соответствующего учения об интенциональности сознания. В данной связи выдвигается предположение о том, что идея «уразумеваемого вида» Дунса Скота, в том виде, в котором она реконструируется у Хайдеггера, во многом приближается к феноменологическому представлению о том, как функционируют «*пустые интенции значения*». Более того, также выдвигается предположение о том, что в данной работе Хайдеггер осуществляет одну из первых попыток адаптации понятия интенции значения, которая в более поздних его работах, в том числе в «Бытии и времени», ляжет в основу его концепции понимания как проектирования («набрасывания значения»).

Разделе 2.3. продолжает исследовать феноменологическое учение о значении, однако обращается к философской стратегии Ласка, названной им «панархией логоса». Последняя, как демонстрируется в настоящем разделе, способна усиливать логику феноменологического исследования. Отмечается, что у Ласка формируется учение о смысле как «*истине*» о *предмете*, которая

реализуется в своей инаковости по отношению к сущему предмету – как нечто принципиально *нечувственное* (Unsinnliches) и *несущее*. Также отмечается, что это концептуализируемое Ласком несовпадение «предмета» и «значимого» должно предполагать нечто вроде учения об интенциональности. Однако последнее у Ласка замещается идеей объективного формально-материального отношения, в терминах которого описывается структура всей интеллигибельной действительности. Роль означающего акта в учении Ласка, таким образом, выполняет значащая форма (Geltung), которая подобно феноменологическому «сознанию о» превращается в «значение-к» (Hingeltung). При этом «сам предмет» в таком «акте означивания» содержательно не исчерпывается: как некое подлежащее определению «X», вне своей значимой формы, он находится по ту сторону всякой логизации. Потому, как и в феноменологическом учении, квалифицировать в качестве «истинного» здесь можно только ту «открытость», которую предоставляет «предмету» сам способ его «данности».

Кроме того, демонстрируется, что формально-материальное описание интеллигибельной действительности, которое у Ласка предполагает «рефлексивное» различие в «значащей форме» моментов самого *смысла* и *отсылки* к ее «материалу», вписывается в семантическую модель Гуссерля. Последняя также учитывает этот «зазор» между «предметом» и «явлением»: так, по Гуссерлю, функционирует прежде всего речь, которая всегда как бы «осциллирует» между двумя модусами «бытия» знака — *выражения* значения или *указания* на предмет. Учение о значимых формах Ласка и феноменологическое учение о значении, как отмечается в настоящем разделе, также находят отражение в идее «значимости» (Bedeutsamkeit) у Хайдеггера, которая характеризуется той же специфической двойственностью: она есть и «полнота смысла» и «*Be-deutsamkeit*», которая «указывает, отсылает, означает» нечто, то есть является значимостью некой конкретной среды.

В заключении настоящего раздела делается вывод о том, что все «сущее» Ласк трактует не иначе, как «интендированное сущее», «бытие» которого раскрывается через «наложение» «значащей формы», оставаясь при этом принципиально инаковым самому сущему. Область бытия здесь – область «объективной истины» и область «значимого». Таким образом, делается заключение о том, что в философском учении о «значимых формах» Ласка представлено философское описание исходной «открытости» мира. Однако поскольку «мир феноменов» – это по существу человеческий мир, уже у Хайдеггера мы видим, как это учение ведет к вопрошанию о самом субъекте, который является агентом понимания в мире «форм» – к вопрошанию о бытии Dasein.

В разделе 2.4 «Созерцание как исполняющий значение акт в феноменологическом анализе восприятия» исследуется феноменологическое представление о структуре познания как априорном соотношении значения и созерцания и связанное с этим представление о специфической «созерцательности» категорий. В данной связи в разделе сперва обсуждается специфика пустой интенции значения – *сигнификации*, которая в этом отношении сначала противопоставляется *интуиции*. Отмечается, что изначально, по Гуссерлю, все значения, как и речь в целом, функционируют не созерцательно, а символически: будучи «значимыми знаками», речь не требует ментальных репрезентаций и функционирует по собственным внутренним правилам. Тем самым она преобладает над всяким восприятием, которое она преобразует, делая его во многом символическим. Вместе с тем, идея феноменологического «познания в строгом смысле» предполагает актуализацию всех значений в созерцании.

Феноменологическая «созерцательная полнота» (Fülle), в свою очередь, по своей структуре, согласно Гуссерлю, представляет собой полное синтезирующее совпадение актов придания и исполнения значения. Такое интуитивное осуществление интенции значения предполагает также

градацию уровней реализации интенционального акта, которая может варьироваться от чисто символического и пустого подразумевания, до полного синтезирующего совпадения значения с тем, что дается в созерцании. При этом только сигнитивный акт, получивший свою полную реализацию в созерцании – то есть *ис-полненная* интенции значения, – согласно Гуссерлю, может претендовать на статус «познания в строгом смысле». Вместе с тем, интенциональность, согласно Гуссерлю, не может найти своего завершения в чувственности, в наглядности, характерной для восприятия или представления. Ее завершением должно стать то, что Гуссерль называет «категориальной интуицией». Таким образом, в качестве структурного момента феноменологического анализа восприятия выделяется интенция значения и возможности ее исполнения и разочарования.

Это феноменологическое представление о том, как функционирует пустая и наполненная интенции значения обнаруживает себя и в фундаментальной онтологии Хайдеггера. В настоящем разделе выдвигается гипотеза о том, что в «Бытии и времени» у Хайдеггера формируется специфическая «теория понимания», которая включает в себя представление о пустой интенции значения и возможностях ее исполнения. Предполагается, что аналогом пустой интенции у Хайдеггера является «набросок понимания» (*Entwerfen des Verstehens*), поскольку в нем сущее усматривается в его «бытийных возможностях». Это означает, что сущее, по Хайдеггеру, всегда первично обнаруживает себя в модусе некой значимости, а набросок понимания в фундаментальной онтологии – это своего рода проективная антиципация, которая реализуется еще до момента ее эксплицитного обнаружения.

Экспликация этих структур, в свою очередь, должна осуществляться в феноменологическом исследовании, которое у Хайдеггера потому превращается в герменевтику как истолкование сущего «в направлении его бытия». Созерцательность при этом здесь суть сам «способ встречаемости

бытия в модусе феномена», в котором феномены, как отмечает во введении к «Бытию и времени» Хайдеггер, должны быть достигнуты «интуитивно» (intuitiv) и «из первоисточника» (originär). Потому в заключении данного раздела также выдвигается предположение о том, что в основании феноменологического метода Хайдеггера должна лежать определенная идея «очевидности», а сама эта проблематика, таким образом, должна уходить корнями в феноменологическую концепцию истины.

Раздел 2.5. продолжает исследовать специфику феноменологических актов идентификации, то есть таких актов, в которых осуществляется *абсолютное согласование* значения и созерцания. Гуссерль называет их также очевидным восприятием или *очевидностью*. Отмечается, что особенностью этих актов является то, что наряду с «реальным коррелятом», в них также дано «*бытие*» интендируемого, которое можно квалифицировать в качестве «*истинного*». Это «*бытие-истинным*», в свою очередь, переживается в качестве специфического *отношения* между подразумеваемым и данным в созерцании. Тем самым в феноменологической идее очевидного восприятия сама очевидность определяется «в строгом смысле» и возводится до понятия истины, которую теперь можно определить в качестве «согласованности», характеризующую это *онтологическое отношение идентичности* подразумеваемого и данного в созерцании.

В настоящем разделе демонстрируется, что в «Бытии и времени» присутствует трактовка истинности как «согласованности». Последняя скрывается здесь за формализацией этой идеи до отношения «так – как», которое означает, что созерцание дает предмет именно *так, как* он интендирован в подразумевающем его акте. Как было отмечено выше, изначально Гуссерль производит «расширение» понятия истины – за пределы высказывания, – благодаря которому истина получает продуктивное толкование в сфере интенциональных актов. В данной связи демонстрируется, что свойства феноменологических очевидных актов

проявляются также и в «Бытии и времени» Хайдеггера в идее «понимающе-истолковывающего видения», характерного для направленных на ориентацию в мире практических действий.

Более того, как отмечается в настоящем разделе, Хайдеггер в ключевых параграфах «Бытия и времени», тематизирующих идею истины, воспроизводит отдельные мысленные ходы, предпринятые Гуссерлем в «Логических исследованиях». Так, исходным пунктом для него становится, так же как и для Гуссерля, анализ свойства высказывания «быть истинным или ложным» или «бытия-истинным высказывания» (*Wahrsein der Aussage*) – то есть связь понятия истины с идеей *logos*'а *apophantikos*'а. Однако далее Хайдеггер приходит к заключению о том, что «бытие-истинным высказывания» должно трактоваться в качестве «бытия-раскрывающим», а сам исконный феномен истины заключается в экзистенциальной «разомкнутости». В данной связи в настоящем разделе приводятся критические аргументы Э. Тугендхата, согласно которому у Хайдеггера понятие истины теряет свою специфику в результате его «беспрецедентного расширения» от специфической истинности высказывания до раскрытости бытия вообще.

Аргументам Э. Тугендхата, в свою очередь, противопоставляется следующее. Обосновывается связь идеи истины в 44 параграфе «Бытия и времени» с исходным определением истины у Гуссерля в VI «Логическом исследовании». Отмечается, что Хайдеггер, хоть и видоизменяет в этом параграфе фактически все ключевые термины, его новое понятие истины как раскрытости восходит к феноменологической идее «очевидности». Демонстрируется, что в основании раскрытости все еще лежит структура *идентификации*, поскольку в качестве раскрытости здесь истолковывается не что иное, как отношение «так, как» или отношение идентичности между «высказываемым» и «показывающим себя». Под «идентичностью» (*Selbigkeit*) здесь понимается специфическое «удостоверение», которое

отсылает к онтологическому отождествлению, устанавливаемому в результате согласования «подразумеваемого» и «данного» в созерцании.

Таким образом, было обосновано, что введенная Хайдеггером дефиниция раскрытости (Entdecktheit), является аналогом гуссерлевской идентификации. Она сохраняет связь с высказыванием и используется в фундаментальной онтологии для характеристики бытия сущего, которое определяется *категориально* и не является сущим Dasein. Однако логика исследования феномена истины в «Бытии и времени» также обладает своей спецификой, которая обнаруживает себя прежде всего в вопрошании о самом «бытии-раскрывающим». «Исходнейшим феноменом истины» здесь становится экзистенциальная «разомкнутость» (Erschlossenheit), которая характеризует отношение Dasein к *собственному* бытию. В отношении идеи разомкнутости, в свою очередь, вопрос, который поднимается в критической литературе, в частности в статье Э. Тугендхата, – о том, имеет ли она отношение к идее истины или является открытым Хайдеггером «*феноменом своего рода*», – как представляется, является более легитимным.

В данной связи, с одной стороны, отмечается, что идея «разомкнутости» у Хайдеггера определенно исключает идентификацию как актуализацию, которая предполагает момент «восприятости». Однако, вместе с тем, демонстрируется, что вместо идеи очевидного восприятия у Хайдеггера конститутивным моментом понимания Dasein становится специфическая «зримость» или «прозрачность» Dasein для самого себя. Хайдеггер здесь хоть и отрицает возможность воспринимающего отношения к собственному бытию, которая всегда отвергалась в философской традиции, поскольку любые определения «Я», заданные посредством форм чувственности, – неадекватны «Я» как интеллигенции. Однако, как показывается в этом разделе, у Хайдеггера сама *временность* становится чистой формой самоаффектации Dasein и потому она выступает в качестве основания, которое создает «почву» для применения «категорий» в познании

экзистенции самой себя – для «онтологической интерпретации Я вообще». Отсюда возникает идея экзистенциальной аналитики, которая должна была стать более радикальной версией феноменологии, эксплицирующей не категории, а экзистенциалы.

При этом, как отмечается в заключении настоящего раздела, экзистенциальная аналитика не замещает собой категориального анализа восприятия, она открывает другую возможность для определений бытия, которая осуществляется наряду с первой. Здесь у Хайдеггера фиксируется т. н. «трансформация категориального», суть которой – переход *от категорий к экзистенциалам*. Однако обоснование взаимосвязи экзистенциалов и категорий остается проблемой.

В разделе 2.6. обсуждается феноменологическая концепция категориального созерцания, тематизируемая Гуссерлем в последнем, VI «Логическом исследовании», как идея, которая составляет содержание *исходной* проблематики феноменологического учения и получает свое *развитие* как в более поздних трудах самого Гуссерля, так и в трудах раннего Хайдеггера. Отмечается непосредственная связь идеи категориального созерцания с феноменологической концепцией истины, поскольку основания последней, как было показано в предыдущем разделе, заключаются в определенной идее мышления, предполагающей возможность интуитивного осуществления изначально пустых интенций значения. Исполнение интенции значения, будучи актом абсолютного согласования «подразумеваемого» и «созерцаемого», в свою очередь, предполагает категориальное созерцание, в котором завершается всякая интенция. Идея категориального созерцания в этом отношении рассматривается здесь как «телос» и завершение всякой интенциональности.

Настоящий раздел потому начинается с реконструкции анализа идеи интенциональности, представленного в «Логических исследованиях» Гуссерля. Отмечается сложность ее устройства, поскольку она обладает

«ступенчатой» структурой, в которой, согласно Гуссерлю, следует различать акт категориального созерцания и фундирующую его чувственность. Сначала в настоящем разделе обсуждается специфика актов простого восприятия, коррелятом которых является «реальный предмет», он же – всякий «возможный предмет простого восприятия». Отмечается связь этого акта с языковым выражением: а именно то, что он является реализацией простого «номинативного полагания» или простого «именования», которое при этом, согласно Гуссерлю, всегда может быть достроено до полного высказывания.

Вместе с тем, демонстрируется, что в отношении высказывания и его «предметности», согласно Гуссерлю, нельзя утверждать, что ей может соответствовать что-то из простого восприятия. Высказываемое всегда будет обладать своего рода «интенциональным избытком» значения по отношению к воспринятому. Однако, несмотря на указанное несоответствие выражаемого и воспринятого, получить свое созерцательное исполнение, по Гуссерлю, могут не только простые интенции. Гуссерль приходит к заключению, что сложные полагания, предполагающие высказывание, должны обрести свое «удостоверение» в другом, отличном от простого восприятия акте. Эти акты он называет категориальным созерцанием.

В данной связи делается заключение о том, что категории в «Логических исследованиях» исследуются как идеальные корреляты этих сложных фундированных актов. Будучи «данностью» специфического акта исполнения высказывания, они, таким образом, принадлежат к идеальной конституции самого предмета, которая и получает свое выражение в высказывании. Отмечается, что в результате выявления в структуре восприятия актов второй ступени в феноменологии осуществляется расширение самого понятия «предмета» до его категориального состава.

У Хайдеггера, в свою очередь, истолкование идеи категориального созерцания можно встретить в лекциях «Пролегомены к истории понятия времени», которые в этом отношении стали своего рода экзегезой

«Логических исследований». Хайдеггер здесь, как и Гуссерль, полагает, что всякий интенциональный акт обладает ступенчатой структурой и реализует свою цель только в категориальном созерцании. Он указывает, что новые, выстраивающиеся на основании простого восприятия акты используют предметный коррелят простых актов в качестве фундамента для собственной предметности. А потому философское исследование категорий, согласно Хайдеггеру, возможно исключительно путем исследования «идеальных» форм, которые представлены в определенных по своему строению интенциональных актах, являющихся *исполнением высказывания*. Отсюда делается вывод о том, что из «Логических исследований» Хайдеггер прежде всего усвоил то, что категории не могут быть продуктом деятельности рассудка – их сущность в определенном смысле «объективна». В данной связи отмечается, что у Хайдеггера истоком всякой категориальности и значимости становится допредикативное измерение самого бытия, а категориальное созерцание становится отправным пунктом его онтологического исследования, поскольку, как указывает сам Хайдеггер, только через категориальное созерцание может быть достигнута «*феноменальная данность бытия*».

Кроме того, отмечается идейная связь «Пролегомен» и «Бытия и времени». Так, одной из главных функций категориального созерцания, на которую Хайдеггер указывает в «Пролегоменах», состоит в следующем: фундированные акты, по Хайдеггеру, *вновь раскрывают* просто предданные предметы так, что последние эксплицитно схватываются и именно – «как таковые» или «каковы они суть». Иными словами, в категориальном созерцании сущее *истолковывается* в своем бытии – как *оно есть*. Эта функция высказывания делать нечто «очевидным» не раз становилась предметом анализа у Хайдеггера. В частности, в «Бытии и времени» Хайдеггер будет толковать высказывание в качестве «выявляющего давания увидеть». Отсюда делается вывод, что в «Бытии и времени» речь идет не о высказывании как таковом, но о специфических актах реализации

высказывания, то есть об актах категориального созерцания. Это, в свою очередь, должно означать, что категориальное созерцание в фундаментальной онтологии Хайдеггера функционирует главным образом – как *выражение*.

В заключении раздела также делается вывод о том, что исследование Хайдеггера предполагает систематическое развитие идей, заложенных в «Логических исследованиях». Однако Хайдеггер переопределяет фактически все феноменологические понятия в соответствии с задачами, которые выходят за рамки задуманного Гуссерлем проекта феноменологии. Анализируемые в настоящей главе понятия созерцания и мышления становятся элементами формулируемой у Хайдеггера теории понимания, однако они также переопределяются в логике «редукции к исходным феноменам», конституирующим понимание. При этом история понятийных преобразований, связанных с идеей категориального созерцания, не завершается вместе с публикацией «Бытия и времени». В дальнейшем эта идея, как и некоторые другие ключевые идеи феноменологии, получают у Хайдеггера новое обоснование в его истолковании идеи Канта о продуктивной способности трансцендентального воображения.

Третья глава настоящего исследования обращается к хайдеггеровскому истолкованию «Критики чистого разума» как продолжению его проекта фундаментальной онтологии. В **разделе 3.1.** обсуждаются некоторые черты фундаментальной онтология Хайдеггера, которые указывают на то, что она остается трансцендентально-философским проектом. Отмечается, что Хайдеггер в период за несколько лет до написания трактата фактически заново открывает для себя «Критику чистого разума» Канта, после чего идея фундаментально-онтологической интерпретации «Критики чистого разума» становится одним из главных направлений его философской работы. Как известно, изначально она должна была войти во вторую часть самого трактата «Бытия и времени» в качестве одного из его разделов, однако, в итоге оформляется Хайдеггером в отдельную книгу «Кант

и проблема метафизики». Таким образом, очевидно, что развитие фундаментальной онтологии в тот период Хайдеггер усматривал в направлении нового истолкования «Критики чистого разума» Канта, в котором, как отмечает сам Хайдеггер, кантовское обоснование метафизики должно быть понято как «раскрытие внутренней возможности онтологии».

В данной связи в настоящем разделе выделяются некоторые особенности трактовки у Хайдеггера идеи «трансцендентального исследования», представленной в книге «Кант и проблема метафизики». Во-первых, отмечается, что под трансцендентальным познанием у Хайдеггера понимается «трансценденция чистого разума» как возможность его «сообразования» с «возможным предметом опыта». Отмечается, что это определение не только указывает на трансцендентальный характер самого исследования, но и обладает более специальным значением: трансценденция как «сообразование с возможным предметом опыта» обозначает здесь специфическое отношение (к сущему в целом), которое устанавливается *предварительно* и намечается *в понимании* бытия этого сущего. Под трансцендентальным исследованием у Хайдеггера, таким образом, понимается «онтологическое познание» как упреждающее *понимание бытия* сущего.

Во-вторых, поскольку в определении речь идет о трансценденции как о *сообразовании* с возможным предметом опыта, отмечается, что Хайдеггер намеренно отсылает к классической идее истины у Канта – к идее сообразования «разума» и «вещи». Предполагается, что основанием для такой трактовки у Хайдеггера становится феноменологическая идея истины как идентификации или согласования «подразумеваемого» и «созерцаемого».

В третьих, отмечается, что при истолковании «Критики чистого разума» Хайдеггер выдвигает в центр всей ее проблематики проблему «отношения к предмету» (Gegenstandbeziehung) и «отношения к миру» (Weltbezug), которое как способность *соотносится* с сущим в целом также

становится главной чертой «экзистенции», определяемой на этом основании как «бытие-в-мире» в фундаментальной онтологии. Сущностью философского исследования Канта в истолковании Хайдеггера становится формирование «теории понимания», в основании которой лежит исследование способности трансцендентального воображения как способности раскрывать *«предметность предметов»*.

В заключении демонстрируется, что Хайдеггер переопределяет цель исследования Канта. «Критика чистого разума» превращается в истолковании Хайдеггера в *«теорию бытия»* вообще, то есть, собственно, – в фундаментальную онтологию. Последняя, будучи трансцендентальным исследованием, претендует на сохранение статуса философского «научного исследования» и «науки о бытии».

В **разделе 3.2.** обсуждается хайдеггеровское «возвращение к Канту», которое следует понимать не столько как борьбу за «правильное» истолкование Канта – хотя этот смысл определенно прослеживается в трудах Хайдеггера, – сколько как набросок к незавершенному философскому проекту самого Хайдеггера, где центральной темой должна была стать разработка «метафизики Dasein». В данной связи отмечается, что вся проблематика трансцендентальной философии претерпевает в трудах Хайдеггера специфическое преломление. Демонстрируется, что деконструирующее истолкование «Критики чистого разума», представленное в книге «Кант и проблема метафизики», главным образом обусловлено проблемой, которую Хайдеггер распознает как *«бездомность»* трансцендентального воображения в систематике Канта. Отмечается, что, согласно Хайдеггеру, способность трансцендентального воображения должна быть выявлена не в качестве посредника между мышлением и созерцанием, который у Канта, кроме того, оказывается подчинен рассудочной функции. Она должна быть распознана в качестве самой «праструктуры конечной самости», несущей в себе идею временности. Это, в свою очередь, по Хайдеггеру, должно повлечь за собой переопределение самого «субъекта»

познания, который в метафизической традиции был определен прежде всего как «дух» и «разум».

Разделе 3.3. продолжает развивать идею о том, что книга «Кант и проблема метафизики» возникает из своеобразной теории понимания, формируемой у раннего Хайдеггера, которая составляет значительную часть от идейного наполнения фундаментальной онтологии и получает свое развитие в том числе через истолкование КЧР, в особенности через новую трактовку трансцендентальной способности воображения. Однако, как демонстрируется в настоящем разделе, первоначальные идеи Канта, в том числе *систематика элементов чистого познания*, пройдя через *феноменологическую* экспликацию в трудах Хайдеггера, приобретает совершенно новые смыслы, которые, в конечном итоге, оказываются несовместимы с самими принципами кантовской философии.

Во-первых, отмечается, что проблематика фундаментальной онтологии в переходе от «Бытия и времени» к труду «Кант и проблема метафизики» претерпевает определенную эволюцию: в обоих трудах бытие Dasein раскрывается как понимание, однако, хайдеггеровское истолкование «Критики чистого разума» предполагает переход от исследования «устройства» Dasein к «метафизике Dasein», в которой Dasein понимается как условие возможности открытости (Offenbarkeit) *бытия сущего вообще*. Теоретическое обоснование этой открытости, в свою очередь, достигается через деконструирующее истолкование способности трансцендентального воображения, которое превращается в «схематизирующее созерцание» как «онтологическое познание» и понимание бытия. Смыслом такой деконструкции, как демонстрируется в настоящем разделе, становится следующее. В идее «схематизирующего созерцания» осуществляется приведение в отношении ко времени обсуждаемой в предыдущей главе концепции понимания как набрасывания пустых интенций значений и их осуществления, которое включает в себя также «созерцание» возможностей бытия Dasein. Ведь у Канта именно в схеме представлено единство ноций или

категории и «чистого образа» времени. У Хайдеггера, как отмечается в настоящем разделе, это единство более не является синтетическим. Его цель – показать, что все категории, как и экзистенциалы, изначально уже суть «образы времени».

В данной связи также обсуждается специфическая черта концепции понимания у Хайдеггера, в которой само понимание трактуется как «*сущностно фактическое*», то есть – как «ситуативное» и «ненормативное». Поскольку Хайдеггер определяет понимание, с одной стороны, как «конечное созерцание» и «открытость горизонта», в котором прежде «сущего» набрасываются его «чистые схемы», и, вместе с тем, – как фактическое «проектирование», делается заключение о том, что само понимание у Хайдеггера характеризуется как в некотором смысле «контингентное». Иными словами, идея «фактического понимания» у Хайдеггера должна разрушать представление о том, что понятия, полученные априори обладают «универсальной значимостью» и могут быть применены к *любому* возможному опыту.

Более того, наряду с положением об идее априорности, которая у Хайдеггера утрачивает свой нормативный статус, обсуждается также его тезис о «релятивности истины к Dasein», впервые выдвигаемый в рамках давосской дискуссии с Э. Кассирером. Отмечается, что попытка Хайдеггера разработать «метафизику Dasein», предпринятая им в книге «Кант и проблема метафизики», являлась также развернутым ответом Э. Кассиреру, в котором обоснование метафизики выстраивается вокруг онтологической интерпретации условий раскрытости области «предметности предмета». Так, вся проблематика «Критики чистого разума» исследуется здесь в определенном фокусе: Хайдеггер ищет обоснования *трансценденции* Dasein как «внутренней возможности конечного существа *относится к сущему в целом*». Тезис о релятивности истины, таким образом, связывается с новой идеей метафизики, которая теперь исследует «открытость» и «историчность» человеческого существа и трактуется у Хайдеггера как выражение

определенного «понимания бытия», «проектируемого и свершаемого в Dasein как таковом».

В заключении раздела отмечается следующее. После выхода «Бытия и времени» в трудах Хайдеггера можно наблюдать переоценку метафизики. Несмотря на то, что в самом трактате Хайдеггер демонстрирует скорее критическое отношение по отношению к традиционной метафизике, в период, следующий после публикации трактата, метафизика позитивно осмысливается Хайдеггером как экспрессия человеческого бытия, как выражение полноты действительности, сопоставимой с идеей Лейбница, согласно которой понятие реальности достигается в представлении, которое разворачивается из уникальной перспективы субъекта-монады. Этот период в исследовательской литературе иногда выделяется отдельно и характеризуется как «метафизическая декада» (1927-1937) Хайдеггера.

В **разделе 3.4.** рассматривается идея трансцендентальной субъективности и ее экспликация у Хайдеггера в качестве проблемы «отношения к предмету» (Gegenstandbeziehung) или отношения к «предметности предмета». В данной связи отмечается также выявляемое Хайдеггером *ведущее значение «бытия»* у Канта, которым становится *чистое* или *абсолютное «полагание»* (Position) [предмета]. Поскольку реальность и экзистенция (Existenz, Dasein) у Канта не относятся к *реальным* моментам самого сущего, то есть не выражают момента фактического «существования» предмета, Хайдеггер заключает, что они не реальны, а *идеальны* и потому также приходит к выводу о том, что область бытия раскрывается у Канта через моменты чистой «положенности» (Position) предмета. Отмечается, что исследуя структуры «чистой положенности» предмета, критическая философия еще до феноменологии предлагает философские средства для описания способа встречи «сознания» с «предметом», модусами которой являются мышление и созерцание. С этим положением также связано понятие *явления* у Канта, в котором, согласно Хайдеггеру, предварительно намечается разработка идеи «конечного

понимания», поскольку вещь-в-явлении по сути дела представляет собой реальное сущее, так как оно появляется в границах, заданных структурой чистой «чувственности» (созерцания) субъекта.

В заключении уточняется, что в исследовании познавательной способности у Канта могут быть выявлены исключительно структуры *возможного предмета опыта*. Отмечается невозможность определения самого «субъекта», а также недостаточность связанных с идеей трансцендентальной субъективности определений таких, как: «я мыслю», «единства апперцепции», «эго» как «полюса интенциональной корреляции» и др.

Раздел 3.5 *Субъект и мир: истолкование идеи метафизики у Канта и Лейбница* переходит к исследованию нового понятия метафизики у Хайдеггера, которую, как указывает Хайдеггер, не правильно было бы понимать как выражение отношения к Абсолютному. Исходный опыт, из которого она возникает, – опыт «фактической экзистенции», которая устанавливает отношение к сущему в целом (*das Seiende im Ganzen*) и к «миру», то есть – опыт «трансценденции *Dasein*». «Критику чистого разума» Канта Хайдеггер потому прочитывает как уже теоретически выверенное исследование способности «субъекта» восходить от предмета опыта к области «предметности предметов», к области «сущести» (*ουσία*) сущего. Однако, в настоящем разделе демонстрируется, что немаловажным значением для Хайдеггера обладала и докантовская метафизика, а именно «монадологическая интерпретация сущего» у Лейбница, поскольку она, согласно Хайдеггеру, отчетливо распознает субъект как «трансцендирующее сущее».

Предполагается, что идее бытия как «абсолютного полагания» у Канта в этом отношении предшествовала идея перспективизма Лейбница, которая также сыграла важную роль для становления метафизики *Dasein*. Отмечается, что в системе Лейбница каждая монада раскрывается как *субъект*, поскольку

каждая монада способна из собственной уникальной перспективы устанавливать и реализовывать отношение к «сущему в целом». В отличие от идеи безмирного субъекта, монада у Лейбница, таким образом, представляет само «живое зеркало мира». Более того, отмечается, что Хайдеггер, руководствуясь определениями монады, характеризующими ее как потенцию к представлению целокупности сущего наиболее совершенным образом – ее «*устремленностью*» (*Drang*) и связанной с этим понятием идеей «*энтелехии*» (совершенства) монады, – определяет ее как единицу *воли к пониманию бытия*.

На этом основании делается заключение о том, что хайдеггеровская идея метафизики *Dasein*, исследующая условия открытости «*бытийного устройства*» *всего доступного в конечном познании сущего*, включает в себя как идею *перспективизма* у Лейбница, так и идею бытия как «*абсолютного полагания*» у Канта. При этом отмечается, что сама трансцендентальная философия Канта рассматривается Хайдеггером в свете идеи перспективизма Лейбница: Хайдеггер истолковывает «Критику чистого разума» как исследование способа, каким «конечное познающее существо» еще «до опыта» может устанавливать отношение к сущему в целом. Предполагается, что в рамках его собственного проекта фундаментальной онтологии это истолкование также находит свое продолжение в онтологическом исследовании *упреждающего понимания*, в котором еще до его теоретической экспликации изначально набрасывается бытийный план сущего.

Кроме того, в заключении раздела также отмечается, что идея «*понимания бытия*» (*Seinsverständnis*) представляет собой нечто вроде чистого восприятия, анализ структуры которого, как полагает Хайдеггер, у Канта исследуется как способность трансцендентального воображения. В истолковании Хайдеггера она потому эксплицируется как «конечное воспринимающее созерцание». Отмечаются также феноменологические основания такого истолкования: прежде всего то, что Хайдеггер стремится

понять ее как интенциональность, раскрывающую предметность предметов, а связанную с ней идею проективной и нетворческой схематизации – то, что в ней образует сам горизонт предметности и относится к пониманию бытия – как аналог категориального созерцания Гуссерля, но более эксплицитно связанный с идеей временности.

В заключении диссертации формулируются основные положения и финальные выводы.

Отмечается достижение цели настоящего исследования, которая состояла в выявлении основных черт формирующейся в трудах раннего Хайдеггера теории понимания, основания которой заключаются в трансцендентально-феноменологическом подходе его философии. В работе также было продемонстрировано, что формирующаяся у Хайдеггера теория понимания по преимуществу является теорией категорий, в которой осуществляется переход от исследования условий понимания «предметности предмета» к «теории понимания бытия как бытия» или онтологии. Был проанализирован соотносимый с данной теорией понятийный аппарат и выявлен генезис основных понятий, которые восходят к исходным дистинкциям, проведенным в трудах Ласка, Гуссерля и Канта.

В заключении также были установлены связи философских учений Ласка, Гуссерля и Канта, которые образуются в работах Хайдеггера, поскольку идеи этих учений эксплицируются у Хайдеггера в рамках развития его бытийной проблематики. Отмечается, что более позднее возвращение Хайдеггера к трансцендентальному исследованию Канта – как к теории, формулирующей условия понимания бытия, – связано с самим трансцендентально-феноменологическим началом философствования Хайдеггера и общей центрированностью его философии проблемой категорий.

Так, в первой главе была исследована связь трудов раннего Хайдеггера и «логики философии» неокантианца Ласка, обращение к которой во многом

обусловило само начало философствования Хайдеггера и способствовало постановке вопроса о бытии как вопроса о категориях. Более того, было выявлено, что именно через труды Ласка Хайдеггер возвращается к феноменологическому учению о категориальном созерцании, которое он затем перерабатывает в собственном философском учении.

Во второй главе была исследована феноменологическая теория значения, которая получает свое полное обоснование в идее категориального созерцания, а также связанная с ней феноменологическая концепция истины. Была установлена содержательная связь бытийной проблематики Хайдеггера с идеей категориального созерцания, коррелятом которого, по Хайдеггеру, может быть исключительно «феноменальная данность бытия». Было также установлено, что в качестве «истинного», согласно Гуссерлю и Хайдеггеру, возможно квалифицировать именно бытие как коррелят определенных по своему строению актов очевидного восприятия. Отсюда был сделан вывод о том, что для тематизации понятия истины в фундаментальной онтологии ключевую роль играет феноменологическое представление о динамике пустой и созерцательно исполненной интенции значения.

Предметом третьей главы стало хайдеггеровское «возвращение к Канту», которое было рассмотрено как развитие формирующейся у Хайдеггера теории понимания бытия. Было выявлено, что учение о категориальном созерцании получает здесь свое развитие через идею «чистого разума» как «конечного воспринимающего созерцания». Кроме того, была также отмечена смена самой перспективы хайдеггеровского исследования, целью которого теперь становится обоснование «метафизики Dasein» и с которым связывается завершение проекта фундаментальной онтологии как проекта трансцендентальной философии.